

Автор этой миниатюрной книжки, изданной в 1930 году - Эрих Фёдорович Голлерба́х (1895-1942) — выдающийся русский искусствовед, художественный и литературный критик, библиограф и библиофил.

Е.Кругликова. Силуэтный портрет Э.Ф.Голлербаха.
1920-е годы

Эрих Голлербах родился и вырос в Царском Селе. Уже в студенческие годы он начинает литературную работу: занимается проблемами философии и изобразительного искусства, теорией и историей литературы, пишет стихи. Знакомство с Николаем Бердяевым, Зинаидой Гippiус, близкая дружба с Василием Розановым, общение с другими художниками «серебряного века», изучение их творчества накладывают свой отпечаток на взгляды молодого писателя, помогают ему многое определить в своих пристрастиях.

Портрет Э. Голлербаха
работы М. Добужинского.
1923 год.

Портрет кисти А. Я. Головина

Эрих Голлербах. 1910-е.

Но именно царскосельские, ранние впечатления были той основой, на которой росло все его творчество последующих лет.

Тема Царского Села занимала особое место в творчестве Голлербаха, он вновь и вновь возвращался к ней, потому что видел в родном городе символ духовности и культуры, понимал его как явление особой природы, имеющее безусловное значение и для современности тоже.

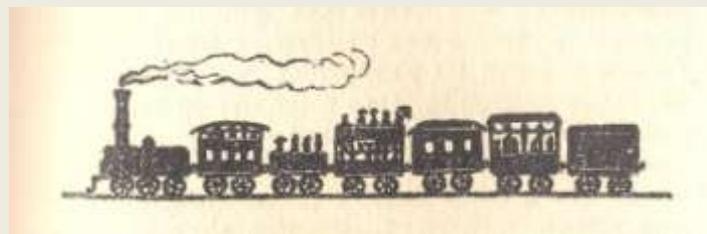
Наиболее очевидно это в книге «Город муз»: очерке об истории города, его быте, и блистательной веренице русских поэтов, связанных так или иначе с Царским Селом, от стихотворцев эпохи Екатерины II до поэтов и философов Серебряного века, многих из которых автор книги знал лично.

“Словно золочёные завитки рокайля, нарядные и наивные, извиваются сладкие похвалы Царскому Селу в стихах Ломоносова, Богдановича, Державина, и музыка их звучит, как мелодия менуэта в огромной, гулкой галерее Большого Дворца, — так начинает свою книгу Э. Голлербах. — Сотни огней дробятся в зеркалах, ложатся пламенными бликами на пухлые щёки амуров и тусклым серебром тонут в мутной сини запотевших окон; проплывают пёстрые шелка — шинуазель и гроденапль, шелестят упругие складки камзолов и робронов, низко склоняются парики в почтительных поклонах, и восхищённый шёпот сопровождает напыщенную декламацию поэта:

*Как если зданиям прекрасным
Умножить должно звёзд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Царское Село...”*

И так, ярко и образно, проходят перед читателем эпоха за эпохой, все значимые события в жизни города, включая и «рождение российской “железнодорожной музыки”» - открытие Царскосельской железной дороги.

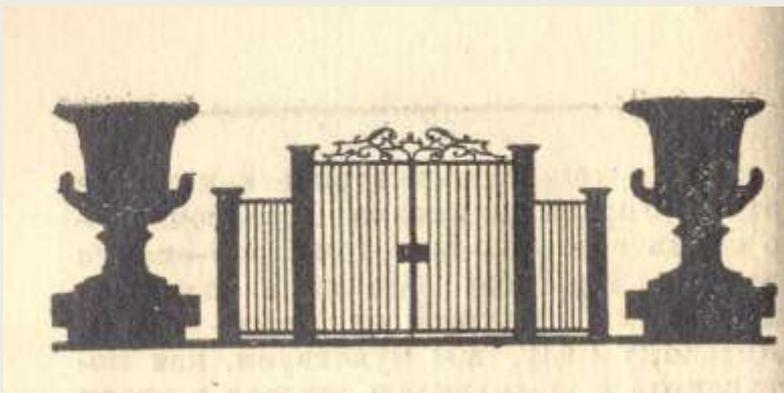
«Восторженный Виктор Бурьянов просто слов не находит, чтобы выразить обуревающие его сантименты: “Это, право, что-то похожее на чародейство! Слышите ли оглушительный, дикий рев огненного коня, застилающего путь густою пеною? Нельзя себе представить ничего величественнее этой силы, непреодолимой и вместе с тем послушной, которая несется быстрее ветра. На первом шагу радостный крик вырывается из гордой пасти могущественного паровоза, но вскоре он умиряется, бежит ровно... Сидящие в экипажах не чувствуют никакого движения: все летит вместе с ними; ветер хлещет крыльями по лицу и освежает горящее чело; сердце бьется медленнее: по железной дороге не едешь, а скользишь, и приедешь, когда кажется, еще не уезжал...”

Не улыбайтесь, любезный читатель: разве не в том же стиле пишутся в наши дни хвалы аэроплану и разве через сто лет наши потомки не будут улыбаться, читая гимны современных Бурьяновых?..» - проницательно замечает автор.

Исторические и литературоведческие экскурсы перемежаются с личными воспоминаниями и впечатлениями автора:

«Мне—16 лет, небо звенит и сияет над моим героическим мозгом, студенческую фуражку я ношу, как корону, с Адой «всё кончено навеки», в портфеле—Шимкевич и Менделеев; любезный мосье Жозеф держит меня за кончик носа, но его уверенная бритва тщетно ищет достойной жатвы под означенным носом; некогда, мосье Жозеф, скорее, я спешу на поезд, не опоздать бы на лекции, а вечером еще бал в Ратуше, где танцевать не буду за неумением, но буду “загадочно” скучать, фланировать, есть мороженое, играть в poste d'atour; дома же, ночью, вгрызусь в запретные книжки Толстого...»

Для Голлербаха, который родился и рос в Царском Селе, отношения с городом были совсем иными, чем у многих писателей, живших здесь: личными, интимными.

«Я ощущаю тебя, мой город, как собственное свое тело и вот эту поломанную скамейку чувствую, как царапину на пальце, поврежденную статую — как заусеницу...»

После революции Голлербах определил свою судьбу в соответствии со своими убеждениями: он участвует в спасении национальных сокровищ, в 1918 году — как научный сотрудник Художественно-исторической комиссии в Детском (Царском) Селе, затем — как научный сотрудник Отдела по охране памятников искусства и старины в Петрограде.

Такие позиции были не слишком удобными в годы, когда безоговорочное отрицание прошлого стало государственной политикой. Революционные потрясения нередко сопровождались гибелью памятников и библиотек, расхищались дворцы и музеи, но мало кто обращал в те годы на это внимание.

Существует два варианта книги «Города муз». Первый вышел в 1927 году мизерным тиражом в триста экземпляров и поэтому, к счастью, не привлек внимания современной критики, зато нашел благодарного читателя среди интеллигенции.

У нашего, второго издания, переработанного варианта книги «Город муз», вышедшего в 1930-м, судьба была гораздо более печальной. Хотя эта книга, как и первое издание, не стоила государству ни копейки, а была издана автором самостоятельно, за свой счет, советская печать отреагировала на её выход болезненно: стали раздаваться упреки в том, что, вместо печатания коммунистической литературы, типографии используют дефицитные полиграфические мощности для выпуска сомнительных книжек.

Критик А. Михайлов в погромной статье «Апология дворянской культуры» разоблачал увиденную им в «Городе муз» идеологию реакционера, который «расточает и воскреляет фимиамы» перед представителями «враждебной нам классовой культуры».

С кремлевской трибуны, выступая на XVI партсъезде, В. Киршон* назвал «Город муз» «враждебной литературой», «литературой, которой не место в нашей стране в эпоху обостренной классовой борьбы». Тогда эта формулировка звучала приговором.

**Владимир Михайлович Киршон. Родился в августе 1902 года. Участник Гражданской войны, с 1920 года - член РКП(б). По окончании учебы в Коммунистическом университете стал одним из руководителей и идеологов Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). На собраниях громил литераторов-"попутчиков": Зощенко, Толстого, Каверина, Пришвина, Булгакова. Автор нескольких пьес пропагандистского характера.*

Автор стихотворения «Я спросил у ясеня», положенного впоследствии на музыку Микаэлом Таривердиевым для кинофильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы».

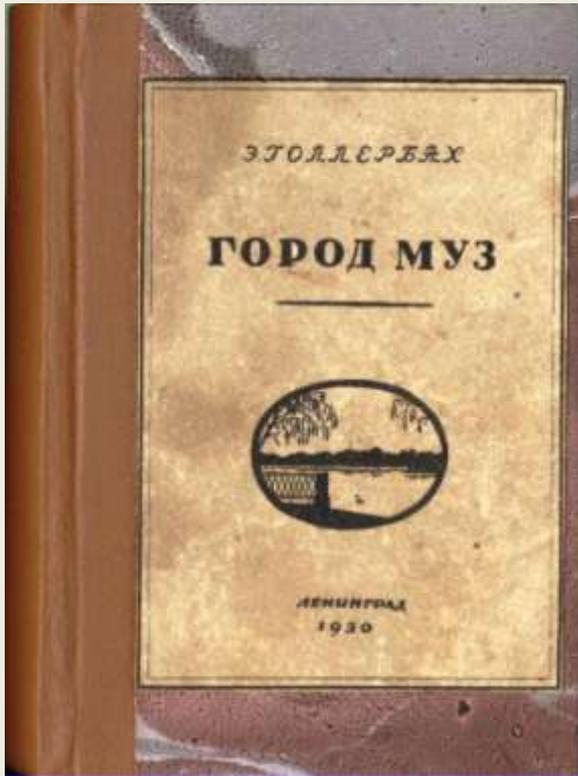
Арестован по доносу и расстрелян в 1938 г., в возрасте 35 лет.

В 1933 году Голлербах, вместе с другими царскосельскими представителями интеллигенции, был арестован по вздорному обвинению во вредительской деятельности. Хотя заключение обвиненных в заговоре писателей длилось недолго, оно ясно показало им, что свободной литературы в этой стране больше нет.

Голлербах сделал многое за последние десять лет своей жизни. Он работал в музеях и издательствах, организовывал выставки, был художником, критиком, библиографом, коллекционером, переводчиком, серьезным исследователем, оставившем большое литературоведческое наследие.

Во время Великой Отечественной войны Голлербах пережил первую блокадную зиму 1941-1942. В марте 1942 года был эвакуирован вместе с женой через Ладожское озеро по Дороге жизни. Когда машина пошла под лёд, ему удалось выбраться из полыньи, а жена спастись не успела. Сам Голлербах скончался от голода по пути в эвакуацию.

«Город муз» был переиздан в 90-х. Но сохранившаяся в фондах нашей библиотеки маленькая книжка карманного формата, изданная при жизни писателя, в далеком 1930-м году, на грубой бумаге плохого качества – уже не просто одно из изданий, а свидетельство эпохи.

Библиография:

1. Э. Ф Голлербах. «Город муз». – Ленинград. – 1930.
2. Предисловие Евгения Голлербаха (внука Э. Ф Голлербаха) к переизданию книги Э. Ф. Голлербаха: «Город муз. Царское Село в поэзии». - Санкт-Петербург, Арт-Люкс. - 1993.
3. Ирония судьбы. За что расстреляли автора песни "Я спросил у ясеня..."
//Российская газета. –2015. - № 149(6720), <https://rg.ru/2015/06/29/reg-skfo/kirshon.html>